

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 84–89

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 84–89

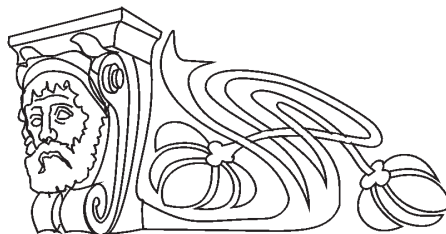
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-84-89>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-32|1906/1912|+929Шмелев

Специфика реализации системы оппозиций пейзажной образности в рассказах о детстве И. С. Шмелева 1906–1912 гг.

Е. Ю. Шестакова

Филиал Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова в г. Северодвинске, Россия, Архангельская область, 164500, г. Северодвинск, ул. Капитана Воронина, д. 6

Шестакова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка Гуманитарного института, shestakova.lena2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности художественного воплощения системы смысловых оппозиций пейзажных образов в рассказах о детстве писателя русского зарубежья Ивана Сергеевича Шмелева, созданных в 1906–1912 гг. Материалом исследования стали произведения «Вахмистр», «По спешному делу», «Однажды ночью», «Пряник (рассказ доктора)», «Праздничные герои», «Звезды», «Пугливая тишина», относящиеся к доэмигрантскому периоду творчества автора. Целью работы явилось рассмотрение художественного принципа антиномии, который актуализирует широкий образный ряд, включающий образы «счастливого детства», золотой осени, ночного пейзажа, идиллического летнего пейзажа-панорамы, осеннего минорного пейзажа, «сакрального» пейзажа, пролитой невинной крови. Все вместе они воссоздают богатый мотивный спектр, содержащий мотивы изобилия, простора, покоя, благостной тишины, противопоставленной мертвенной безблагодатной тишине. Тема мятежного революционного города в рассказах перемежается с тематикой гармонического единства, противостоящего разлаженной жизни человека и природы, а также темам смерти, несправедного убийства и человеческой жестокости. В произведениях И. С. Шмелева тема единения детей и природы близко соприкасается с поэтизацией русского пейзажа, картинами-образами стремительного детского бега, соединенного с воздушной образностью и темой человеческого таланта, дарованного Богом. В структуре художественного пространства рассказов реализуется контрастное представление о «внутреннем» благодатном домашнем пространстве, наполненном детским светом, теплом, любовью, и «внешнем» холодном, темном пространстве, несущем муки и гибель. Библейские аллюзии, тесно связанные с образами звезд, среди которых особенно выделяется образ Рождественской звезды, и рождественским хронотопом, сопрягаются со значением высшей, духовной сферы и темой смерти.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, система оппозиций, образ ребенка, пейзажные образы, рассказы о детстве

Для цитирования: Шестакова Е. Ю. Специфика реализации системы оппозиций пейзажной образности в рассказах о детстве И. С. Шмелева 1906–1912 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 84–89. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-84-89>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Specific features of implementing the system of oppositions of landscape imagery in the stories about childhood by I. S. Shmelev 1906–1912

E. Yu. Shestakova

Branch of the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov in Severodvinsk, 6 Kapitan Voronin St., Severodvinsk 164500, Arkhangelsk region, Russia

Elena Yu. Shestakova, shestakova.lena2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

Abstract. This article examines the features of how the system of semantic oppositions of landscape images is objectified in the stories about childhood by the writer of the Russian expatriate community Ivan Sergeevich Shmelev, created in 1906–1912. The research material constitutes the works *The Sergeant*, *On Urgent Business*, *One Night*, *Gingerbread (the Doctor's Story)*, *Festive Heroes*, *Stars*, *Timid Silence*, related to the pre-emigration period of the author's oeuvre. The aim of the work is to consider the artistic principle of antinomy, actualizing a wide range of images, including images of 'happy childhood', mellow autumn, night landscape, idyllic summer panoramic landscape, autumn melancholy landscape, 'sacred' landscape, spilt innocent blood. All together, they recreate a rich motivic spectrum containing motifs of abundance, spaciousness, peace, blissful silence, contrasted with a dead, graceless silence. The theme of the rebellious revolutionary city in the stories is interspersed with the theme of harmonious unity, opposing the discordant life of man and nature, as well as the themes of death, unjust murder and human cruelty. In the works

of I. S. Shmelev, the theme of the unity of children and nature is closely connected with the poetization of the Russian landscape, paintings-images of a rapid children's run, combined with aerial imagery and the theme of human talent, bestowed by God. In the structure of the artistic space of the stories, a contrasting idea of the 'inner' fertile home space filled with children's light, warmth, love, and the 'outer' cold, dark space bearing torment and death is realized. Biblical allusions, closely related to the images of stars, among which the image of the Christmas Star stands out, and the Christmas chronotope, are associated with the meaning of the higher, spiritual sphere and the theme of death.

Keywords: I. S. Shmelev, system of oppositions, image of a child, landscape images, stories about childhood

For citation: Shestakova E. Yu. Specific features of implementing the system of oppositions of landscape imagery in the stories about childhood by I. S. Shmelev 1906–1912. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 84–89 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-84-89>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Творческий путь писателя первой половины XX в Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950) начинался с пристального интереса к проблематике детства. В его дореволюционных рассказах тема детства представлена широко и разнообразно, их существенной особенностью становится воссоздание образа природы, раскрывающего внутренний мир героев, являющегося фоном изображаемых событий, выявляющего философско-этическое и духовно-нравственное содержание текстов. Произведения И. С. Шмелева, подпадающие под определение «малого жанра», посвященные детству или включающие детские образы, строятся с использованием системы оппозиций, принципа контрастичности пейзажной образности, определяющего своеобразие ценностно-смыслового наполнения рассказов «Вахмистр» (1906), «По спешному делу» (1907), «Однажды ночью» (1910), «Пряник (рассказ доктора)» (1910), «Праздничные герои» (1910), «Звезды» (1911), «Пугливая тишина» (1912).

Противопоставленность пейзажной образности лежит в основе идейно-художественной организации рассказа «Вахмистр». Природоописания, открывающие произведение и предшествующие основному повествованию, содержат насыщенные краски («яркие сентябрьские дни», «золотые листья», «зеленый газон»), включают мотивы бодрящего холода, свежести («холодное ясное небо»), легкости, невесомости («тонкие паутинки плыли по воздуху»). На этом фоне разворачивается описание беззаботно играющих ребятишек, сравнение со стайкой птиц или «цветником» [1, с. 227] гармонично встраивает детские образы в изображаемую пейзажную картину. Образ «золотого детства», соотнесенный с цветовой символикой золотых листьев и темой красоты, резко контрастирует с рассказом вахмистра, вводящего в текст «внутреннее» пейзажное пространство, центральным образом которого становится мятующийся город, охваченный революционными волнениями, а эмоционально-психологическим наполнением – разлад героя с сыном и служебным окружением. Тема беспечного счастливого детства возникает в контексте обозначенной пейзажной парадигмы, «стучащие обручами» и «бросающиеся песком» «маленькие фигурки» [1, с. 242] находятся за пределами будущей взрослой жизни, полной невзгод и испытаний.

Антиномия домашнего пространства, овеянного «теплом», «тихим внутренним светом», исходящим от детей, и внешней локации, семантическими доминантами которой становятся «темные окна», «беспокойная ночь», «порывы ветра» [1, с. 248], дождь, снег, метель, тьма, призраки, характерна для художественной структуры рассказа «По спешному делу». Мотив тишины (тишина детской, «тихая волна покоя», исходящая от спящих детей), образ «алого огонька лампы», запах «деревянного масла» [1, с. 255] воссоздают образ благословенного дома, находящегося под защитой Бога. Дом, наполненный присутствием детей, оценивается героем как «бесконечно дорогое и чистое» [1, с. 256] пространство, способное оградить его от холодного, жестокого окружающего мира.

Тема единения детей и природы возникает в эпизоде, посвященном размышлению Дорошенкова о будущей поездке с семьей на море. Образ весны, акцентирующий семантику жизненного расцвета, радости, счастья, пейзажная картина, основными составляющими которой становятся образы южного моря, «жгучего солнца», «громким шаром опускающегося в синеву волн», «необъятной синей дали» [1, с. 257], воплощают образ идиллического пространства, включающего представления о рае. Дети, беззаботно играющие со «скрипучим песком» и «набегающей пеной» [1, с. 257] моря, ассоциируются с идеей возвращения человека в первозданное состояние духовно-эмоциональной близости с окружающим природным миром.

Пейзажная зарисовка угасающего дня и наступающей ночи открывает рассказ «Однажды ночью». Образы «последней полосы» солнечного «огня», «тихих сумерек», «полей с темной зеленью овсов и желтеющими хлебами», «леса с неясными очертаниями вершин» [2, с. 127] составляют идиллическую, опозитизированную картину деревенской природы, на фоне которой разворачиваются основные события. Отдельно отметим, что о необыкновенной поэтичности шмелевских пейзажей писал М. М. Дунаев [3, с. 172]. Тема сна, выраженная в образе тумана («Стелется туман по лугам, клубится над речкой, плывет в село») и олицетворенных образах «уснувших кустов» и «идущей ночи», мотив тишины («Уже смолкла камышевка в тихих кустах лозины»)

[2, с. 129–130] контрастируют с бурной деятельностью мальчиков, увлеченных ловлей рыбы. Васютка, Сенька и Николка старательно закидывают бредень в «черную, тихую воду» под мостом [2, с. 130], ожидая крупную добычу – налима. Мотив холода и образ ночного тумана, сопоставляемого с «белым воздушным морем» [2, с. 129], становятся ведущими в пейзажной зарисовке.

Ожидание наказания за порванную сеть, страх перед возможной встречей с душами умерших является основным эмоционально-психологическим наполнением ночного пейзажа. В прозе И. С. Шмелева, по мысли И. А. Ильина, «все внешнее служит <...> знаком, орудием, средством или отображением внутреннего – душевного трепета, или страдания, или блаженства, или гнева, или отчаяния» [4, с. 25]. Темнота, чернота, туманность, зыбкость окружающего природного пространства рождают в детях чувство потерянности, неуверенности в благополучном исходе дела. С первыми признаками наступающего дня, появлением в красках природы белого цвета («а восток все белел») и солнечного света («все шире росла прежде едва заметная беловатая полоска») [2, с. 131] разрушаются чары зла и ощущение бессилия перед ними, находится путь выхода из непростой ситуации – помощь Микиты Ивановича. Образ звездного неба, к которому неустанно устремлен взор героя («Не спалось что-то старику, и вышел он посидеть у ворот, на небо посмотреть звездное», «Микита Иванович уселся на колоду и стал смотреть на звезды») [2, с. 136], символически насыщен, выражает устремленность старика к высшей, духовно-нравственной правде – любви к ближнему, состраданию, милосердию. Не случайно мальчики обратились к Миките Ивановичу с просьбой зашить порванный бредень, они знают его честность и доброту. Вместе с тем образ звездного неба воплощает тему смерти, неизбежного ухода человека в инобытие. Предчувствуя близость смерти, старик смотрит в звездное небо, его душа обращена к вечности, нацелена на предстоящий ответ Богу о прожитой жизни.

Тема красоты пронизывает картину начинающегося дня, в которой сквозными образами становятся «белый восток», «серебряные полосы» на небе, играющее разными цветами и переливами солнце («розовое тянулось поперек неба», «плывут красноватый пятна, желтые по краям») [2, с. 143]. Олицетворенный образ «живого и дышащего» неба, на котором «уходят далекие звезды в синеву глубокую, бледнеют, теряют огонь свой» [2, с. 143], венчает утренний пейзаж, природа предстает живым существом, чье бытие таинственно, величественно, загадочно и бесконечно прекрасно. Метафорический образ росы-бриллианта, образы «темно-зеленой полосы», «бегущей по лугам», «золотого света росистого утра», «изумрудных лесов» [2, с. 144] воссоздают фон, который умалет, делает ничтожными ночные страхи,

мучившие детей. Мальчики не только обретают уверенность в том, что их проделка останется безнаказанной, но и решаются еще раз закинуть сеть, починенную Микитой Ивановичем: «Померкли тревоги ночи: все затопило яркое солнце» [2, с. 145]. Образы «чистого воздуха», «золотистой синевы», в которой «жаворонки бьют трелями», «яркого и свежего» «золотого утра», «золотящихся лесов» ассоциативно связываются с образом безмятежного «золотого детства», когда «так легко на душе, что и думать не хочется о неудачах» [2, с. 145]. Тема стремительного бега детей, соединенная с образом «свежих волн растревоженного воздуха» [2, с. 145], выражает особенность детского мироощущения – душевной легкости, внутренней гармоничности. Маленькие герои словно парят над земной действительностью, не соприкасаясь с «черными призраками жизни» [2, с. 146]. Финальный деревенский пейзаж, выдержанный в идиллических тонах и содержащий образы «веселых кузнецов», «трещащих в росистой траве», «мычащих коров», пастуха, «наигрывающего вздрагивающие трели» [2, с. 147], завершает тему счастливого детства.

Идиллический пейзаж-панорама появляется в начале рассказа «Пряник (рассказ доктора)» при описании деревни Большие Ветлы. Мотивы простора («Прямо перед нами – простор открылся. Даль и даль»), изобилия, соотносённые с образами золотого цвета («Как червонное золото разметалось. Поля золотистой ржи. Необъятные поля», «Как золото сверкала переливающейся на ветерке полная рожь», «золотой покой», «золотистое море», «золотые поля», «в золотых лучах»), аромата («...таким медовым жаром на нас пахнуло, густым ароматом уже спелого хлеба. Точно, знаете, какие-то душистые пекарни невидимые в просторе и оттуда медом этаким густым и сытным...»), покоя, тишины («Было тихо в поле... Шорох шел от них, этот покойный шорох зрелого, ожидающего жатвы хлеба»), образ солнца и света («Косые лучи солнца, красноватые вечерние лучи, скользят по хлебам», «море яркого солнца», «шли в... свете и силе земли»), тема довольства, благополучия, богатства («...от этих полей на нас пахнуло таким довольством, покоем силы <...> казалось нам их богатство неисчерпаемым, огромным») [5, л. 1–2], выстраивают начальные природоописательные зарисовки в произведении. Идиллические черты органически сочетаются с поэтизацией ночного и утреннего пейзажей, молодой врач любит «черной», «глубокой бархатной ночью», наполненной «тихими звездами», «тишьей рассвета», «мутными полосами призрака зари», едва проглядывающим «смеющимся», «неуловимым, живым, светлым» солнцем [5, л. 4].

Перед слушателями рассказа доктора разворачивается сакральный пейзаж или, по словам А. М. Любомудрова, «проблески “горного” мира» [6, с. 230]. От деревенских хлебных полей, как

вспоминает доктор, исходил «шепот» «благодарственной тихой молитвы», вызывающей «святой восторг» [5, л. 2]. Тема благословенной земли получает продолжение в образе «благообразного старика» [5, л. 2] Антона, в чьей избе рассказчик отчетливо ощущает присутствие Бога. Мотив благодатного света, встреченный в обрисовке пейзажной панорамы, присутствует и в портретном описании деда-травника, его выразительные глаза «светились такой детской радостью, в них было так много тихого света и доброты, что, казалось, и в нем пребывал Господь» [5, л. 4]. Время второго посещения молодым доктором деревни Большие Ветлы обусловлено своеобразием «обожевленного» континуума, оно состоялось в день праздника Успения Пресвятой Богородицы. Мотивы природного изобилия и красоты, заявленные ранее, находят продолжение и в этом эпизоде: «Ее [деревню] обступили ометы мощные широкопузые ометы свезенного хлеба. <...> Это такая красота эти могучие ометы» [5, л. 5]. Тема радостного труда организует пейзажное пространство деревни, собравшей богатый урожай: «А этот четкий по утру стук цепов. <...> Веселый шум цепок. Спешат и тараторят <...> И маленькие кудрявые облачка зерновой пыли и когда подкидывает мужик в алой рубахе широкой лопатой зерно. Они вспыхивают и вдруг у омета и тянет по ветру их в сторону» [5, л. 5].

Мотив природного изобилия в рассказе тесно соединяется с темой счастливого детства. Доктор с радостью наблюдает, как внуки деда Антона «шныряли перед избой с громадными дымившимися ломтями нового хлеба», «обедались им и закусьвали лепешками» [5, л. 5]. Детские «веселые рожицы» оказались густо «измазаны хлебом», «от них пахло сытым запахом хлеба и меда» [5, л. 5]. Это изображение противопоставлено природоописаниям, относящимся к годам неурожая и голода. Осенний минорный пейзаж, содержащий образы «ужасных дождей», «плачущих полей» и «мутной сетки тумана» [5, л. 6], выражает трагическое состояние деревенских жителей.

Мотив мертвенной тишины, сопряженный с темой смерти («А голоса на деревни. Тихо, тихо было там. Все забилося в щели и замерло») [5, л. 6], звучит в пейзажной зарисовке деревни, погибающей от голода и болезней. Тема героической борьбы молодого доктора с тифом, спасение им жизни ребенка (внука деда Антона Микешки) разворачивается на фоне унылого серого пейзажа, утратившего свою благодатность, осененность Божьим присутствием. Человек остается один на один со страшной бедой, и единственное, что ему остается, – надеяться на собственные силы, знания, волю, энергию. Спустя много лет герой вспоминает этот эпизод из своей врачебной биографии как ключевой, определивший все его дальнейшее пребывание в профессии. Ценой собственного здоровья и даже жизни (женщина-

врач, прибывшая с рассказчиком в Большие Ветлы бороться с тифом, погибает) врачи призваны спасать страждущих. «Пряник», который ели дед Антон и Микешка во время голода, преимущественно состоящий из горькой травы, доктор оставил себе на память, чтобы, «когда опускались руки, когда сомнения закрадывались в сердце», он мог «только взглянуть за стекло, где лежит этот пряник», и вновь обрести «бодрость» [5, л. 7 об.], уверенность в своих силах. Автор убежден, что Бог наделяет человека талантами и возможностями, проявив которые, он может приносить добро другим людям, помогать и спасать жизни.

Образы звезд становятся основными в художественной структуре рассказа «Звезды». В пейзажном пространстве, представленном в тексте, реализуется рождественский хронотоп, специфика которого определяется временем действия – Сочельник, и отношением героев к сакральному событию – Рождеству Христову, неразрывно связанному с образом Рождественской звезды. Образы звезд в тексте многогранны, амбивалентны, их оппозиционная составляющая выявляется через ценностно-содержательные оппозиции ведущих персонажей: с одной стороны, чиновника Михаила Ивановича Никольского и его гостей, а с другой, свояченицы хозяина дома, учительницы. Для Никольского и его сослуживцев, собравшихся в Рождественский сочельник развлечься игрой в карты, звезды, сверкающие в небе, не представляют особенного интереса. Равнодушными их оставляет и наступающий праздник Рождества, требующий благоговения и внутренней тишины.

Одухотворенность звезд, звучащая в рассказе учительницы, представление о них как о месте обитания умерших душ, получающих воздаяние за дела земной жизни («– А вон которая с усами-то <...> Там терпеливые живут <...> Там все зеленое <...> травка, цветы <...> и солнышко <...> всегда-всегда»; «А вон на той <...> голубая-то <...> будут жить, кто в подвалах живет <...> все бедные, грязные <...> у кого платья нет <...>»; «– Злые и дурные, нехорошие все попадут на особенную звезду <...> Она черная-черная <...> – Ну <...> там ничего нет, а все в темноте» [7, л. 1 об. – 2 об.]), вызывают не просто отторжение, а внутренний гнев Никольского. В особенности чиновника раздражает то, что свояченица обращает свое повествование к детям, присовокупляя к этому размышление о справедливости, любви и всепрощении Бога.

Звезды в восприятии Никольского предстают в своем сугубо прагматичном значении: как награда за службу. Все остальное он считает опасной ложью, сбивающей юное поколение с истинного пути. Главное, считает практичный отец, чтобы дети не любовались звездами, а росли рачительными, бережливими хозяевами, хорошо учились и получили в будущем достойное место, хороший

заработок. Никольский желает видеть своих сыновей жесткими, цепкими («чтобы зубы вострили»), умеющими, если возникнет такая необходимость, – «за глотку – так за глотку» [7, л. 4]. В ценностной картине жизненных целей чиновника Бог не рассматривается подателем всех благ, по его мнению, человек должен сам добиваться материального достатка и выгодного служебного места, пренебрегая нравственными принципами. Образ Рождественской звезды, принесшей великую, радостную весть о приходе в этот мир Спасителя, возникает только в восприятии учительницы. Внимательно и долго вглядываясь в мерцающие на небе звезды, она пытается рассмотреть в одной из них Главную, благовествующую, и кажется, что ей это удастся.

Рождественский хронотоп определяет своеобразие пространственной структуры рассказа «Праздничные герои». Моментом действия произведения становится Рождество. В тексте отсутствуют объемные, широкие пейзажные картины, применительно к «Праздничным героям» можно говорить лишь о пейзажах-штрихах, небольших вкраплениях природоописаний в основное сюжетное развитие, которые, тем не менее, выполняют важнейшие смысловые функции. Герой-ребенок сталкивается с явлением, поражающим его воображение: гости, традиционно собирающиеся на Рождество в доме, приходят оттуда, где сильный мороз, «снег, запушившиеся белые деревья, морозное солнце в дыму» [8, с. 240]. Ласковое тепло домашнего очага, в границах которого пребывает герой-ребенок, контрастирует с ледяной стужей «внешнего» мира, места обитания таинственных людей, которые, несмотря на холод, одеты весьма легко: «Они заявлялись в прунелевых ботинках, в легких пальтишках без пуговиц и каких-то кургуzych кофтах» [8, с. 240]. Мальчик еще не способен осознать, что эти люди – нищие, и у них нет возможности тепло одеваться. Детское сердце наполняется чувством жалости, сострадания, сопереживания к «праздничным героям», которые, несмотря на то, что обделены и крайне бедны, всегда находят возможность принести ему гостинец. Юный герой чутко отмечает, что в доме к этим особым гостям относятся с неизменным вниманием и почтением. Так в детском сознании формируется милосердное, любовное, истинно христианское отношение к бедным.

Христианские аллюзии прослеживаются в художественной канве рассказе «Пугливая тишина», эпизод ночного забоя свиней соотносится с библейским сюжетом об убийстве Каином Авеля. Лейтмотивный образ крови, заявленный в начале рассказа, подготавливает будущее трагическое развитие событий. Сначала он раскрывается в образе плодов вишни, чей сок напоминает кровь, а затем – в описании обильно текущей крови погубленных животных. Светло-розовая и золотая колористическая гамма («светлый, розовый по краям сад», «розовые туши» свиней, «золоти-

стая щетина», «розовые пальчики» девочек, «золотенькая пчелка») выражает тему «светлой божьей жизни» [9, с. 233] человека и природы. Мотив благой тишины пронизывает все природоописание в тексте, покой царит в усадьбе, объединяющей в гармоническое единство жизнь детей, взрослых, дроздов, пчел, воробьев, стрекоз, свиней, растений и цветов.

Это духовное единение, ассоциативно связанное с образом райского Эдема, прекращается с приездом корнета Павла, человека развращенного, жестокого, обуреваемого сильными страстями. Молодой человек смущает внутренний покой девочки Нюты, фрейлины, вносит серьезный разлад в семью сестры Серафимы, требует денег у отца. Корнет становится главным виновником убийства домашних животных, до его появления живущих спокойной, размеренной, сытой жизнью. Он уподобляется Каину, совершившему первое убийство на земле, пролившему невинную кровь. Свиньи в рассказе уравниваются с детьми, они также беззащитны, нежны, доверчивы по отношению к человеку, безгрешны.

Примечательно, что убийство животных совершается ночью. В образе ночного пейзажа подчеркивается «темнота», «большая роса – такая роса, что капало с листьев», «кровь, которая уже не просачивалась в напитавшуюся землю, а текла струйками от одного большого пятна с алым отблеском» [9, с. 233]. Природа словно плачет по своим погубленным «детям», пропитанная их страданием и муками. Доминантным образом в утреннем пейзаже, пришедшем на смену ночному эпизоду, становится разрезанная туша молодой свиньи с «пестрой, перевитой красным, мясной гроздью вырванных из утробы детенышей» [9, с. 224]. Несмотря на внешнюю красоту и тишину («...снуют и все собираются сесть на лицо голубенькие стрекозки <...> В полном солнце дремал вишняк, вспугиваемый неумолкающим сухим треском. Голуби шуршали по крыше лапками, передвигаясь по гребешку, скатывались, вспархивали и теснили друг дружку. Золотое пятно залегло на высоком тополе у калитки» [9, с. 225]), природа предстает утратившей былую гармоничную первозданность. Ее покой и тишина обманчивы, таят в себе зло, принесенное жестоким, равнодушным человеком. После совершенного убийства окружающий мир теряет свою цельность, спаянность, единство, прежняя гармония человека и природы разрушается, семена греховных страстей и раздоров, посеянные в страшную ночь, неизбежно прорастут в будущей жизни героев.

Итак, определяющим принципом пейзажных зарисовок в дореволюционных рассказах И. С. Шмелева о детстве является их тяготение к антиномичности, противопоставленности, контрастности. Тексты писателя, посвященные теме детства, преимущественно строятся с использованием системы смысловых оппозиций:

образ «золотого детства», выраженный в образах золотой осени / тема мятежного революционного города; благодатное пространство дома, наполненное светом и теплом детства / холодное, темное пространство страданий и смерти; мрачный, пугающий ночной пейзаж / ясное, прекрасное, залитое солнцем утро; идиллический летний пейзаж-панорама, «сакральный» пейзаж, насыщенный мотивами изобилия, простора, покоя, благой тишины / осенний минорный пейзаж, сопровождаемый мотивами мертвенной безблагодатной тишины и темой смерти, выражающий трагичность эмоционально-психологического состояния человека; образ райского Эдема, соединенный с мотивом благодатной тишины и темой гармонического единства человека и природы, / образ разлаженной жизни человека и природы, сопряженный с темой несправедливого убийства, жестокости и образом пролитой невинной крови. В рассказах писателя находят выражение темы счастливого детства, единения детей и природы, поэтизации деревенской природы, стремительного бега детей, соединенной с образом воздуха, талантов и возможностей, заложенных в человека Богом. Рождественский хронотоп включен в контекст специфики человеческого мировосприятия, тесно связан с образами звезд и образом Рождественской звезды. Образы звезд сопровождаются семантикой высшей, духовной сферы и темой смерти. Христианские аллюзии и духовно-нравственное наполнение обогащают тексты рассказов глубокой этической проблематикой.

Поступила в редакцию 24.06.2021; одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 24.06.2021; approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 10.11.2021

Список литературы

1. Шмелев И. С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. СПб. : Изд. тов-ва «Знание», 1910. 266 с.
2. Шмелев И. С. Однажды ночью. URL: <http://www.philolog.petsu.ru/shmelev/texts/arts/odnagdy/htm> (дата обращения: 01.06.2021).
3. Дунаев М. М. Духовный путь И. С. Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева : 1873–1950 : статьи, очерки, воспоминания / сост., предисл., подгот. текстов А. М. Любомудров. М. : Сибирская Благовонница, 2009. С. 171–197.
4. Ильин И. А. Творчество И. С. Шмелева // Ильин И. А. Собрание сочинений в одной книге. М. : ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москва АО», 2013. С. 5–56.
5. Шмелев И. С. Пряник (рассказ доктора) // РГАЛИ. Ф. 387. Карт. 5. 8 л.
6. Любомудров А. М. Богоищущая душа. Духовное и мирское в творческой судьбе И. С. Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева : 1873–1950 : статьи, очерки, воспоминания / сост., предисл., подгот. текстов А. М. Любомудров. М. : Сибирская Благовонница, 2009. С. 227–282.
7. Шмелев И. С. Звезды // РГАЛИ. Ф. 387. Карт. 6. Ед. хр. 10. 6 л.
8. Шмелев И. С. Собр. соч.: в 5 т. Т. 8 (доп.). Рваный барин. Рассказы. Очерки. Сказки. М. : Русская книга, 2000. 608 с.
9. Шмелев И. С. Рассказы. М. : Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. 249 с.